

обычаю, αὐτῆς τὴν παρθενίαν (Т 2652, А 3823). Купанье (ἀπὸ τῆς βαλανείου — VIII, 6) было причиной смертельной болезни Дигениса (VIII, 31 сл.)⁷³.

Ряд деталей быта содержится в поэме в связи с путешествием, с проводами отъезжающих. Отправляясь в путь с женой, Дигенис захватывает для нее дорожные припасы (ἐφόδιον — VI, 531). Сборы эмира в Сирию длятся 15 дней (II, 261): свояки желают ему счастливого пути (καλῶς εὐδοσθῆναι — II, 243); его провожает большая толпа родных, которые следуют за ним на расстояние трех миль (μέχρι τριῶν μιλίων — II, 298). Согласно ГФ IV, 800, Дигениса и Евдокию встречают на том же расстоянии от дома⁷⁴.

Неоднократно выступает в поэме мотив материнского проклятья. Мать похищенной эмиром девушки грозит сыновьям, что проклянет их, если они не освободят свою сестру (I, 80 сл., 138; ср. II, 231 сл.); такова же угроза и матери эмира своему сыну-вероотступнику (II, 98, 228; III, 17). И каждый раз страх перед материнским проклятьем побеждает все другие чувства⁷⁵.

Герои нередко дают клятвы (ὄρκιοι)⁷⁶. Братья клянутся страшнейшими клятвами (ὄρκιοις φρικωδέστατοις), что вернуться домой вместе с сестрой или погибнут (I, 111 сл.); эмир клянется им «великим пророком» (I, 307 сл.), что не прикоснулся к их сестре; обещание отдать ее в жены эмиру братья также сопровождают клятвами (II, 1). Взаимные клятвы скрепляют супружеский союз (II, 193): «пусть я стану добычей зверей и хищных птиц, пусть не буду причислен к христианам, если забуду когда-нибудь любимую супругу...», — говорит отъезжающий эмир своей жене (II, 255 сл.; ср. II, 272; III, 19). «Пусть я не умру христианином, пусть не увижу благополучия, пусть не помогут мне родительские молитвы, если я когда-нибудь захочу огорчить тебя...», — уверяет Дигенис Евдокию (IV, 557 сл., ср. 577 сл.)⁷⁷. С такими же ὄρκιοις... λίαν φρικωδέστατοις обращается к дочери Анлоррава ее неверный возлюбленный (V, 85 сл., 129).

Чтобы не спорить о том, кому из них сражаться с эмиром, братья бросают между собой жребий (λαχνοῦς θεῖναι — I, 130); жребий падает на младшего, Константина. Во II книге ГФ (134 сл.) говорится о снах: Константину снится сон о соколе, преследующем голубку, и старший брат толкует его видение. Здесь можно назвать известные нам византийские снотолкователи, например патриарха Германа (ум. в 733 г.) и патриарха Никифора (ум. в 829 г.), свидетельствующие о распространенности этого суеверия среди византийцев⁷⁸.

Поэма содержит и отдельные детали быта арабов. Описывается церемония приема братьев эмиром (I, 92 сл.): лишь передав ему письменное прошение (δι' ὑπομνήσεως... δεήσεως ἐγγράφου), они допускаются к эмиру. Тот восседает перед палаткой на высоком золотом троне и окружен свитой воинов. Братья трижды (?) кланяются до земли (μέχρι τρίτου ἑδάφους — 98; букв.: «до третьей земли») и почтительно обращаются к нему. Интересно, что эмир хорошо владеет греческим языком (ἀκριβῶς γὰρ ἠπίστατο τὴν τῶν Ρωμαίων γλῶτταν — II, 115). Победенный в единоборстве, он вручает братьям свою печать (σφραγίδα — II, 209 сл.), которая дает им право беспрепятственно осматривать лагерь.

⁷³ Возможно, автор следовал здесь биографиям Александра Македонского (Плутарх. Александр, LXXV; Арриан. Анабасис Александра, VII, 25, 26), также смертельно заболевшего после купанья и умершего у Евфрата.

⁷⁴ Дж. Маврогордато (op. cit., p. 43) отмечает схожий обычай, засвидетельствованный в современном Иране.

⁷⁵ Ср. Ph. Koukouliès. Op. cit., Г', p. 326 sq.

⁷⁶ Ibid., p. 346 sq.

⁷⁷ Ibid., p. 340.

⁷⁸ Ibid., А', II, p. 183—184; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 50.